

Русский мир без границ

Евгений Белодубровский

Белодубровский Евгений Борисович родился в Ленинграде в 1941 году. Литературовед, культуролог, археограф, библиограф, краевед. Окончил Литературный Институт им. А. Горького. Преподаватель литературы в средней и в высшей школе. Член Санкт-Петербургского союза ученых и Союза писателей Санкт-Петербурга. В 1997, 1999, 2001, 2003, 2007, 2011, 2015 гг. по приглашению Нобелевского Комитета присутствовал на церемонии присуждения Нобелевской премии в Стокгольме. Печатается с 1967 года в «Новом мире», «Звезде», «Неве», «Вопросах Истории», «Русской литературе», «Байкале», сборниках РАН РФ «Памятники культуры. Новые открытия», «День и Ночь», «Новый Журнал» (США), «Знамени», «Вестнике РАН РФ», «Родник знаний», «Уральский следопыт», «Весть», «Пламкь», «Антени» (Болгария, София)

Мой Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский

*(нефамильярные записки, мысли, вопросы и ответы на полях)
(реакция на интервью с Сергеем Дебижевским)*

Никита А. Толстой

Вот шагаю я из-под арки Главного Штаба вместе с высоким тучным штучным господином с тростью-палкой, в широком твидовом пиджаке в рубчик, в очках на затылке. Идём, веселимся в поисках его «Волги» — забыл, где оставил. Это (не трудно догадаться) с Вашего позволения, Никита, остроумнейший граф-не-граф — полиграф Никита Алексеевич Толстой собственной персоной, Ваш, кажись, родственник, профессор оптики и мой многолетний патрон, учитель всего на свете и самый доверительный собеседник почти до конца своих дней. Больше того, Вы оба знали Александра Федоровича, последнего несменяемого премьер-министра России Керенского... а что там!? Но вся штука в том, что именно он, Никита Толстой, Ваш тёзка, лично свёл нас и (к моему счастью и благодарности) сблизил надолго перед Вашим персональным вечером¹ — лекции о вечере — лекции о русской живописи в эмиграции в особняке графа Стенбок-Фермора на Невском у Аничкова моста. Это был праздник, я ликовал и ликую до сих пор...

«Записки РАГ»

Правду сказать, заочно о том, что Вы, как говорится, существуете в природе (я уже об этом не раз рассказывал и даже писал и где-то печатал²) и о Вашем искусстве собирателя и знатока русской театральной живописи я и мои друзья, завзятые профаны-кофеманы и упёртые «неучи» вычитали из второго тома знаменитых «Записок русской академической группы в США» (1968), который я выменял в «Сайгоне» или купил за чирик, уже не помню. Потом мы подпольно в одном НИИ, где мой приятель служил курьером, на копировальной машине «Эра» изготовили несколько копий всех страниц, склеили и скрепили, и самиздат готов, мы — счастливы. Должен Вам сообщить (а заодно Вашим настоящим и будущим толмачам — биографам; вот, однако, идеальный случай, прямо в руки, факт что надо, замечательный, вкусный...), что та Ваша энциклопедическая публикация с перечислением имён русских художников, работавших для театра, с датами их жизни и с названиями главных постановок, для меня в те годы (и для нас, я же — расстрига) явилось тем же историческим фактом нашей культуры как появление романа Ильи Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь» или прозы Марины Цветаевой и стихов Мандельштама ...

¹ 16 мая 1990 г. в ленинградском Доме журналиста.

² Кафе Сайгон. Соотечественники в Америке, Нью-Йорк, 2011, март-апрель. С. 73-75.

Н.Д. Лобанов и Е.Б. Белодубровский

Н.Д. Лобанов перед интервью с С. Дебижевым

ТВ интервью 9 июня 2016 г.

Но для зачина — несколько «родственных» фактов и фактиков ... Далёкий 1923 год. 10 декабря Альберт Эйнштейн присутствует в Стокгольме в качестве Нобелевского лауреата по физике, а я 10 декабря года 2003 года нахожусь там же только в качестве почётного гостя Нобелевского фонда; но мы оба во фраках (церемония — от гардероба и полночных танцев — не меняется согласно «Завещанию ...» с 1901 года) взятых напрокат в том же Гранд-Отеле где мы жили только на разных этажах и на банкете — другое меню и другие вина (замечу, что после этого банкета и обязательных танцев голодные фраки с дамами и малыми детьми бегут наперегонки в рестораны — подкрепиться по-настоящему, несмотря на ночь). Но это так, к слову (можно и выкинуть, уж слишком, как говорится «далёкий свет») ... Главное — вот оно: Альберт Эйнштейн был кумиром моей матери или, как сказали бы нынче, был её фанатом (в этом смысле она была отнюдь ой — как не одинока, им — легион Имя) ...

И вот — приходим к ещё более главному, мой дорогой Никита Дмитриевич. Именно это имя и эта домашняя легенда с участием Альберта Эйнштейна явились мне после нашей последней встречи с Вами в моём Петербурге в Вашем родовом гнезде, в гостинице под названием «Четыре Сезона», где я оказался свидетелем съёмки Вашего интервью (или, как Вы говорите, — допроса, что по жанру близко к истине, но только по жанру, не приведи Бог, иначе) с известным в стране телережиссёром и публицистом Сергеем Дебижевым. Причем, интервью не с глазу на глаз, не дуэль, не поединок, а совсем иначе. То есть — вопрос задаётся за кадром, ответ — в кадре, крупным планом, все эмоции на виду, такой «полиграф полиграфович», всё по правде-матке, как говорится «с подлинным, верно» ... Но именно эта очно-заочная игра в вопросы и ответы позволила Сергею Дебизеву (и он в этом преуспел) задавать Вам любые интересующие его (а значит и будущего зрителя) довольно сложные вопросы (касаемые истории, а не Вашей личности и личной жизни), но и в изложении им сути вопроса, подчас, очень пространном, длинном, тягучим, с учётом чужих мнений и версий на то или иное событие, с уходом в сторону и обратно, часто заглядывая в блокнот свой или общаясь с интернетом прямо «с колёс» — я заметил, что всё это для того, чтобы получить от Вас нужный ему (а значит на потребу телезрителя) ответ ... Причём, это было мастерски исполнено: поставленным голосом, безошибочной интонацией, правильной речью и т.д. ... Но почти всегда Ваш ответ, дорогой князь, был совсем иной — неожиданный и точный, минуя общие слова и всем известные прописные истины (кто нынче только не пишет о мировой войне, об этой безумной кровавой бойне, кто только не пытается понять в чём же был смысл, заинтересованность и прямая выгода здесь и для царской России и — мировых держав, а воз и ныне там ...). У меня нет прав цитировать Ваши ответы и его вопросы (а это был настоящий урок по русской истории — от августа 1914 до июня 2014, скажем для крепких десятиклассников моего поколения) до передачи в эфире и даже в моём изложении (может быть Вы сами опубликуете некоторые Ваши ответы в приложении к моему очерку, Вам это будет, как говорится «с руки», просто как автору) ... Скажу лишь, что Вы сумели упредить и даже сбить с толку

Вашего интервьюера, который почти в каждом своём вопросе о войне и мире, о Царе-батюшке и об Ильиче, об Англии, Германии, Штатах, Японии, Италии и в их правителях видел настоящих заговорщиков (чуть ли не масонов, хотя это именно слово не было произнесено, оно витало в воздухе). Он говорил о заговорах, шифрах, интригах, мистике, фанатизме — самое близкое и самое съедобное удобоваримое варево для наших современников — то, что называется «кушать подавно». ... Ан-нет! У Вас в каждом ответе присутствовал главным образом человеческий фактум. Вы обращали Сергея (а значит и его не взыскующего истины зрителя) к личности конкретной, что он из себя представлял как человек... И уже потом объясняли смысл и умысел совершённым им деяниям. Вот в чём загадка и разгадка, вот где царит заговор — в душе, в слабости самого человека, получившего власть над людьми и страной, получившего её по наследству, или взявшего — силой и обманом...

Что и требуется доказать! Я был счастлив наблюдать Вашу дуэль (не совсем по правилам). Я видел, как менялся голос Сергея Дебижева, как его убеждённость в своём мнении о том о сём почти улетучивалась. Он сопротивлялся, терял нить, перескакивал от темы к теме. Это уже была игра в одни ворота, когда при столкновении или в споре одна из сторон явно сильнее и поэтому побеждает...

И ещё одно наблюдение, поразившее меня в тот час с лишним. Вот гостиная — мраморы, диваны красного дерева, плюш, бархат, хрусталь, лепнина, бронза, портьеры, паркет — внешне всё как было здесь прежде в дооктябрьские времена у Лобановых-Ростовских, благо сохранились документы и фотографии, всё вроде бы настоящее... Но неуловимое, не живое (боюсь признаться самому себе и обидеть Вас) необъяснимо зовёт меня поскорее покинуть этот оазис... Одно — навсегда: вид этого дома, эти львы моего детства и Александровский сад, фонтан, не тускнеющий шпиль Императорского Адмиралтейства и кораблик, вот уже, сколько веков весело парящий над моим родным городом и своим присутствием не дающий быть Петербургу — пустым...

И ещё Вы, мой дорогой весёлый насмешливый взыскующий человек слова и дела, ироничный князь Никита Дмитриевич, балетоман, экономист, денди, владеющий несметным количеством пиджаков, галстуков, башмаков и запонок, знающий толк не только в живописи, но и в бумажнике; князь Лобанов-Ростовский, говорящий на многих нужных ему для общения и бизнеса языках (плюс самый родной, неумирающий русский так называемый «мета язык», короче «блатной», который не уступает ни одному в точности, прелести, образности и крепости и на котором можно легко объяснить самые сложные проблемы и обстоятельства) и вообще, Вы мой избранный друг, самая большая умница ... И последняя, как сказал бы Достоевский, «нота» — из доброго моего детства, когда я частенько жил у своей тёти Хаи на Суворовском проспекте, старшей сестры моей матери, знающей толк в том как жить — не тужить... Как-то на вопрос своей соседки Клавдии, которая всё время считала себя на выданье, каким же должен быть в идеале настоящий жених, она ответила, подняв седую голову с потешным пучком седых волос на макушке и помешивая тесто в кадке для мацы (я — свидетель этой картинки): «высокий, стройный и... (пауза) инженер...»

Чем не Ваш портрет? поздравляю...

И ещё одно воспоминание, хоть из давнего, но без этого — картина всё ещё не полная...

Как-то, в эпоху гласности и т.н. «нового мышления» в Санкт-Петербурге (он был, ещё Ленинградом) на большой пресс-конференции в Союзе учёных на Университетской набережной, посвящённой к подготовке к будущей конференции о взаимодействии культуры и науки в период перемен, на вопрос ко мне заядлой журналистки — дамы назвать двух самых выдающихся исторических деятелей XX века в России — я ответил коротко: Керенский и Горбачёв. Не успела скромная публика как-то переварить мой ответ, как та же дама вновь выбросила руку и попросила уточнить персонально, что я с удовольствием сделал...

— «Да! Это Александр Керенский, за 8 месяцев свободы в 1917-ом и Михаил Горбачёв за свержение большевизма и т.н. «новое мышление» в 1985–90-х. Две эпохальных попытки возрождения России».

— А конкретно — не унималась настырная дама — назовите имя хоть одного человека, лично... с которым непосредственно связано торжество горбачёвской эпохи конца 1990-х в области, скажем, культурного возрождения России.

О Никите

– Без проблем! Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, известный собиратель и коллекционер театральной живописи и графики русской эмиграции! И это правда... Посудите сами. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский — проживающий в Англии, гражданин США, коренной прямодушный русский интеллигент, богатейший и кошельком и душевной щедростью, учёный-геолог. Несмотря на то, что в юные годы ему пришлось пережить тюрьму, карцер в пост-советской Болгарии, работу чистильщиком ботинок, подбирающим окурки на улицах Софии, совершить дерзкий побег, он сумел выпрямиться, выучиться, стать чемпионом среди юношей Болгарии по плаванию, стать крупным учёным-нефтяником и собственным трудом сколотить, как он говорит, деньги и авторитет в банковском мире Европы и Америки. В течение более полувека (1958-2009) он мотается по миру с единой целью — собрать и сохранить для родины своих предков коллекцию русской театральной живописи и графики и возродить имена творцов-созидателей, обречённых на изгнание и забвение.

И какая должна быть сила духа у человека, чтобы все эти годы верить и знать, что рано или поздно, такие времена настанут, когда на родине реабилитируют забытый пласт отечественной культуры.

А искренняя вера — это особый дар, как и природный талант Никиты Дмитриевича, как собирателя, который в сочетании с талантом предпринимателя и учёного — бизнесмена позволяет правильно определять и оценивать то или иное произведение искусства, а также расположить к себе его владельца или случайного продавца-перекупщика.

И я смею утверждать, что после Третьякова, Сергея Дягилева и Николая Бенуа, князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский достоин именоваться меценатом в самом высоком первоначальном смысле этого слова. Вот пришли новые времена. И, по крылатому выражению застрельщика нового мышления М.С. Горбачева, «процесс пошёл», мечта Лобанова — Ростовского сбывается. Его уникальная коллекция возвращается на родину. Постепенно обретая родную крышу, кров, музейные подмошки, а сам ревностный собиратель и хранитель — искреннее признание, награды, благодарность соотечественников, ценителей искусства и властей...

В декабре 2008 г. Никита Дмитриевич продал в Петербург значительную часть своей коллекции. С одним непременным условием: полная сохранность, целостность, открытость и доступность всех без исключения экспонатов его коллекции (как известно, уникальное собрание Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской хоть вернулось в Петербург, но тут же оказалось закрытой для широкой публики под семью печатами).

Таким образом после стольких лет изгнания и утрат перед взорами петербургских ценителей русского театра начала 20 века, студентов-театроведов и искусствоведов предстали имена и творения таких забытых художников русской эмиграции как, скажем, Михаил Федорович Андреев-Нечитайло или Павел Челищев, Соня Делоне (Тёрк) или Александр Серебряков, Николай Ремизов (Ре-ми) или Георгий Пожидаев, Сергей Чехонин или князь Александр Шервашидзе. Это не говоря уже о работах таких, более известных нам ранее, мастеров театра как М. Шагал, Л. Бакст, А. Экстер, М. Гончарова, Н. Ларионов, С. Судейкин, П. Анненков, Б. Григорьев, М. Добужинский, А. Анисфельд, Л. Попова и др...

Кафе «Сайгон»

Для меня же лично имя Никиты Дмитриевича как собирателя и знатока русской живописи было знакомо задолго до нашей личной встречи.

Тут есть история. В самые лихие брежневские времена застоя и цензуры в тогдашнем Ленинграде в центре, на углу Невского и Владимирского проспектов существовало кафе «Сайгон». Здесь с полудня и до позднего вечера толкалась всякая мастеровитая деклассированная рабочая молодежь и всамделишная юная философическая поросль. Теперь это — общеизвестно ...

Тон там задавали поэты и художники, но были и музыканты, артисты массовок, первокурсники, бездомные шалопаи, курильщики всякой дряни и собиратели всякой антикварной всячины ... И всё сплошь гении и эрудиты (да и на самом деле — большинство действительно интересовалось искусством, литературой, музыкой, театром). Так и было, поверьте!

Я был там завсегдатаем! У меня был свой круг «посвящённых», круг друзей — единомышлен-

ников, которые, помимо любви к крепкому кофе и кофейному духу общения, поимённо и почти что построчно знали стихи Марины Цветаевой, Пастернака, Ахматовой, Мандельштама. «Звучали» для нас и имена Пикассо, Филонова, Дали, Дягилева, Платонова, Ходасевича, Хармса ... Как ни крути, а «Голос Америки» и русское западное радио было «нашим» радио. Никакой особой политики, мы желали одного, чтобы нам никто не мешал ... Вполне доступен нам был и самиздат.

И вот однажды ко мне попали машинописные «Окаянные дни» Бунина, удивившие меня необыкновенно! Не столько содержанием: что к чему и кто такие большевики мне было ясно давно, сколько сам автор. И на какое-то время «такой» Бунин, «эмигрант» и публицист занял все мои мысли: уж слишком резким и непохожим здесь выглядел Иван Алексеевич — художник слова, прозаик, певец страстной любви, деревни и русской природы.

И тут случилась оказия! Счастливая!

Как известно, в «Сайгон» нередко заходили «высоколобые» — это книжники, букинисты и просто перекупщики. Не многие из них читали то, чем торговали (букинисты и книжники — те, знали и нас, закоперщиков, уважали, принимали заказы). Мы — вполне дружили. Там тоже был свой круг. Они обретались на противоположной стороне Литейного, в ближних магазинах старой книги, проходных дворах и подворотнях, от угла Литейного до громадного серого «Дома Нефти» (бывшего Департамента Министерства Юстиции, где, к слову сказать, 9 мая 1899 года крестили в «прилагаемой» Церкви Святого Спиридона мальчика по имени — Владимир Набоков).

И вот один из книжников с Литейного, узнав что я интересуюсь зарубежным Буниным предложил мне купить у него за два сороковника (деньги для меня довольно большие) два с в е ж и х тома т.н. «Записок русской академической группы в США» за 1968 и 1969 годы (мог ли я думать в конце 60-х, что в моей стране настанут такие времена, когда сам Евгений Львович Магеровский, профессор русской истории и соредактор этих самых «Записок ...» в 1993 году в своей квартире на Лексингтон Авеню, 78 в Нью-Йорке вручит мне в подарок свеженький, только что из типографии 25 том «Записок...», посвящённый «Русской религиозно-философской мысли и А.А. Фету по случаю столетия его смерти»).

<...>

Самым же значительным (и — неожиданным) сюжетом в этих двух серых крапчатых (обложка мягкая, дешёвая «под обои») американских томиков стал большой очерк — исследование о русской театральной живописи начала 20 века. С биографическими справками и библиографией (совершенно меня поразившей, о чём речь — впереди!). Признаюсь, что в те мои страстные годы профессиональная музейная живопись меня не сильно интересовала; разве что залы Русского Музея, где я назначал свидания своим знакомым барышням у известных картин известных художников (преобладал репинский портрет Льва Толстого в блузе и босиком).

Автор «живописного» очерка был «некто» Н.Д. Лобанов. Правда сноска тут же назвала эту фамилию полностью «Н.Д. Лобанов — Ростовский». Вскоре из своего «Брокгауза» я вычитал, что наш автор наверняка принадлежит к славному княжескому роду Лобановых — Ростовских. И никак иначе ...

В конце краткой т.н. «вступилки» князь Н.Д. Лобанов — Ростовский имеющих уже печатных работ на русском английском и немецком языках но и на основании собранной автором коллекции старых театральных программ и афиш и его разговоров и переписки с рядом русских художников или членами их семей».

Всё так и не совсем так! Ибо исследование князя Никиты Дмитриевича Лобанова — Ростовского явилось едва — ли не первой («пионерской») работой по истории русской зарубежной театральной культуры, причём историей «в лицах и положениях», изложенной на отличном русском языке. Для меня же, повторюсь, большинство художников, эмигрантов, картин, галерей, зарубежных музеев и так далее, названных в очерке были и вовсе в новинку. Кроме «хрестоматийных» имён Репина, Куинджи, Врубеля, Рериха, Билибина, Бенуа, Добужинского, не говоря уже о Николае Павловиче Акимове и его жене — актрисе Елене Юнгер, которые жили в Кирпичном переулке, рядом с моим домом и были постоянными покупателями моей Мамы работавшей в то время кассиршей в знаменитом Елисеевском магазине.

Сейчас совсем нет нужды пересказывать содержание этого уникального (для того времени) «лобаново — ростовского» энциклопедического очерка — исследования. Стоит отметить

*Профессор Никита Алексеевич Толстой и Н. Лобанов
на выступлении в «Доме журналиста», Ленинград, 16 марта 1990 г.*

лишь одно обстоятельство, одно скромное действо, предпринятое мной в отношении сего ме-муара. Речь идет об упомянутой мной выше библиографии («SELECTED BIBLIOGRAPHY») по истории русского театрального искусства, кропотливо составленной Никитой Дмитриевичем. Шутка ли? Более трёх сотен названий книг, журналов, отдельных статей, персоналий... Вот эти — то всего пять ценнейших страничек мелкого убористого английского текста я, при содействии одного моего приятеля — кочегара котельной нашего «Института Культуры», тайно отпечатал и размножил в полтора десятка копий на допотопной по нынешним временам копировальной машине «Эра».

И я одаривал ею своих единомышленников из числа «сайгонских» искусствоведов и художников...

Персональный вечер

Сейчас же не без гордости я вспоминаю 16 мая 1990 года ещё в Ленинграде, когда в Доме Журналиста профессор Никита Алексеевич Толстой и ваш покорный слуга вели первый персональный вечер князя Никиты Лобанова-Ростовского, где публика впервые увидела (в слайдах) уникальные творения великих мастеров театральной графики и рисунка. Потом, лет так через пять-шесть была моя встреча с Никитой Дмитриевичем в Лондоне в его гостеприимной квартире. И вот теперь 24.09.2009 — на недавнем вернисаже в новом Петербурге в честь открытия выставки его собрания в Театральном музее...

Кстати сказать, тогда же, в Сайгоне, автор открывшегося мне столь монументального очерка по русскому искусству и живописи казался мне (заочно) таким кабинетным седым и значительного его вида и положения — старцем. Но каково же было моё «разочарование», когда в нашем Фонде Культуры, что на углу Невского и Думской улицы, появился стройный моложавый спортивного сложения мужчина, настоящий денди средних лет с открытым удивленным насмешливым ироничским взглядом уверенного в себе человека, который с первого же мига и на долгие годы расположил нас к себе...

И тогда и всегда я задавал себе вопрос — кто же князь Никита Дмитриевич, конкретно. Ибо он и строгий учёный, и профессор геологии, и пловец, и коллекционер, и зек, и бизнесмен, и гурман, и знаток женской красоты, вина, кубинских сигар... И как-то в недавней беседе я решился спросить его: кто же Вы, Никита Дмитриевич? По преимуществу, что явилось залогом Вашей жизни и карьеры...

Ответ был один: «Я свободный, независимый и счастливый человек».

Вопросы к Эйнштейну

Теперь от лирики (по заказу) к главному.

Откликаясь на Вашу просьбу-заказ высказать своё отношение обо всём услышанном и увиденном 9 июня 2016 г. в полдень в Вашем родовом дворце — а ныне отеле, — я, кроме этого, решил взять на себя роль Дебижева и задать Вам (письменно) несколько главных вопросов (главных — ибо готовящийся госпожой Алпатовой сборник статей и так далее, под условным названием «Обо всем» в некотором роде — итоговый), которые задавали в разное время разные люди самому Альберту Эйнштейну. Вот потеха (это слово хорошее, не ходульное) вот праздник ума и живых не традиционных решений и изящества мысли... И мне важен именно Ваш ответ (как, стало быть и Дебижеву, отнюдь не дураку...). Никакого подвоха, хотя истина что все сравнения — хромают. Короче, как гласила заповедь, бытовавшая среди евреев — витеблян (т.е. в Витебске Шагала и Пена) «не ищите там, где ничего нет, а где есть». А есть то, что я увидел (вычитал) в ответах Альберта Эйнштейна сходство с Вами в отношении понятия о смысле жизни, как таковой, жизни деятельной, сложной не без печалей и утрат, как её пытался познать и понять Лев Толстой, постоянно мучившийся вопросом как «исполнять свою земную обязанность ... без точки веры в себя, в важность дела... когда... не достаёт энергии заблуждений, земной стихийной энергии, которую выдумать нельзя...» (см. письмо Н.Н. Страхову от 8 июля 1878 г.). Так вот у Вас обоих (два в одном) в этом смысле всё с точностью — наоборот. То есть у Вас этой «энергии заблуждения», как говорится, «выше крыши»... И ещё больше — самоиронии. Причём, при полном отсутствии самолюбования, чем, подчас так грешил Лев Николаевич...

Так держать, Никита Дмитриевич!!!

И я уверен, что с той энергией заблуждения и с той же верой в себя и с тем же неиссякаемым запасом иронии и насмешкой над жизнью и возрастом жил и творил мой Альберт Эйнштейн (не говоря уже о том, что Вы оба в разной степени, но с той же болью испытали остракизм властей и невыносимое бремя изгнанничества).

Повторяю, в моей идее — никакой корысти, лукавства или — похвальбы, от которых можно легко сей минут отмахнуться и забыть ... Ваше слово, товарищ...

Итак — вопросы, мысли, ответы и избранные афоризмы Альберта Эйнштейна!!!

Вопрос первый, Никита Дмитриевич: Прав ли был Альберт Эйнштейн, ответив на вопрос молодого студента-богослова о миссии Библии: «Библия — миф, наполненный жизнью» ... А Ваше мнение?

Ответ: Да, я стопроцентно согласен с ответом Эйнштейна. О том, что Библия — миф для многих, в этом нет сомнения. Посудите сами. В первой главе Бытия (строчки 26-27) указано, что господь создал в шестой день одновременно Адама и Еву. А во второй главе Бытия (строчки 21-22) указано, что Еву создали после создания Адама из его ребра. Оба несоответствующие описания указывают на создание жизни, не только наших родоначальников, но всех живых тварей. Так что, да, «миф, наполненный жизнью».

Вопрос второй от одного журналиста-политолога Эйнштейну, когда тот прибыл в США: «Справедливо ли было сказано о нём, что он де, как учёный и мыслитель, и пацифист, «правлящий монарх разума»? Что Вы, Никита, думаете о таком так называемом «монархизме»?

Ответ: Безусловно, Эйнштейн долгие годы был выдающимся, если не единственным, гением науки начала XX в. И он был правящий монарх разума, повлияв на развитие науки. Но он никак не годился бы на роль монарха как политического вождя, где требуется прагматичный ум и способность принимать решения, которые часто противоречат морали и пацифизму.

Вопрос третий: «Чем занимается наука и что лежит в основе научного знания» Эйнштейн ответил, что, мол, основой всех естественных наук и искусств является вера человека во внешний мир, не зависящий от воспринимаемого его субъекта. Так ли это или справедливо для той ушедшей эпохи без компьютеров и мобильной связи?

Ваш ответ, Н.Д.: Не ответив на вопрос, чем занимается наука, Эйнштейн определил, что в основе научного знания лежит убеждённость в объективности внешнего мира, не зависящего от воспринимающего субъекта. Я не вижу, как компьютеры и сотовые телефоны влияют на эту аксиому.

Эйнштейн о большевиках и о Ленине: «их власть постоянно паразитировала на пустом желудке граждан и мнимом патриотизме (очень похоже на сегодня)...

Ваш ответ: Пустые желудки граждан меняют политические установки их стран. Ульянов и власть большевиков пользовались «пустыми желудками» для управления страной. Что он был мнимым патриотом — очевидно, ибо отдал более четверти Российской империи уже истощённой от войны Германии при заключении Брест-Литовского мира с целью, чтобы самому удержаться у власти.

Вопрос Эйнштейну: ...Правда ли, что главной проблемой науки — должна быть забота, как сделать лучше жизнь простого человека? Но, как? И что значит — простой человек?

Ответ: Нет, я не думаю, что главной задачей науки является забота, как улучшить жизнь простого человека. Последнее — не задача учёных, а задача политиков. Этим девизом они заманивают избирателей (простых людей), обещая им лучшую жизнь для всех при условии, что их выберут. Помимо понятия «избиратель», я не достаточно тонко знаю русский язык, чтобы ответить о значении понятия «простой человек».

О вере и религии. Эйнштейн: «Это детская болезнь человечества» и человека и... «почитание силы, стоящей за тем, что поддаётся нашему осмыслению»... «Я верю в бога Спинозы, который проявляет себя в гармонии всего сущего, но не в Бога, который заботится о судьбе и действиях людей».

Ответ: Я думаю, что Эйнштейн ответил правильно в другом интервью, что религия — есть «почитание силы, стоящей за тем, что поддаётся нашему осмыслению». Эйнштейн несомненно разделял его точку зрения об абстрактной концепции Бога, отождествляя его с гармонией всего сущего. Как русский, я разделяю эту точку зрения

Эйнштейн о бессмертии души: «Мне достаточно и одной жизни».

Ответ: Конечно, Эйнштейну очень повезло, что он довольствовался одной жизнью. Миллиарды жителей нашей планеты разных вероисповеданий верят в продолжение жизни в разных ипостасях. «Блаженны верующие, ибо есть у них Царство Небесное» (Матвей 5:3).

Эйнштейн: «Человек может поступать так, как пожелает, но не может желать/жить исключительно по своему желанию».

Вы: «Мой ответ прост: это не подлежит обсуждению. Это наш удел по аксиоме.

Эйнштейн: Сами довольствуйтесь малым, а другим давайте много.

Н.Д.(совершенно замечательный ответ — прим. наше!): Как аксиома это звучит уважительно. Но это противоречит человеческим инстинктам, которые мотивируются: 1) самосохранением (пища, крыша и т.д.), 2) размножением, 3) накоплением добра. Смысл этого напутствия Эйнштейна воспринимается как библейская заповедь: основы человеческой морали должны быть важнее «исключительно личного». Но естественно возникает вопрос: всякое ли благое деяние благотворно? Под конец жизни, не имея наследников, я раздаю другим больше и больше, часто не разумно. К примеру, я подарил Музею Ростовского кремля предметы искусства на более полтора миллиона евро; но уже второй год музей не может справиться с реставрацией дома Шлякова под дом-музей Лобанова-Ростовского, а я старею и боюсь не увидеть дня его открытия, если он когда-нибудь будет.

Эйнштейна часто спрашивали: Свободны ли люди в своих поступках?

Н.Д.: Да, люди относительно свободны в своих поступках. Абсолютную свободу можно найти, живя в джунглях. Например, в сегодняшней России (беспрецедентно за последние 400 лет) люди имеют выбор, что до сих пор не предвиделось в стране. Пренебрегая основными моральными человеческими аксиомами, сегодня в России можно преуспеть, а прибавив пренебрежение к социальным законам, достичь благосостояния. А те, кто не хотят идти на моральные и светские компромиссы, могут вести незаметную и незначительную жизнь и скончаться естественной смертью.

Вопрос: Всегда ли наука или искусство или поэзия несёт ответственность за свои поступки?

Н.Д.: Да, всегда наука (физика), искусство и поэзия должны нести ответственность за свои поступки. Эта ответственность может быть моральной в теократиях (как Саудовская Аравия или Израиль) или же социальной в странах «политической корректности» и автократиях как Турция и Россия.

И последний вопрос, который я выудил из массы интервью великого провидца и остряка: Если бы Вы, господин Эйнштейн, приняли участие в спиритическом сеансе — чей дух был бы вам ближе — скажите. Ответ был прост и гениален: я не могу отвечать на этот интересный вопрос, будучи в смокинге в ожидании ужина с дамами и с их мужьями...

Ответ: В юности я принял участие в спиритическом сеансе. Вызывал дух Данте Аллегьери. Он мне ответил, что поскольку я хоккеист, мне предназначен 9-й круг ада, где царит лёд. Привлекательность этого круга в том, что будучи на границе с 8-ым, из него можно беспрепятственно наблюдать всё то, что изобрёл Иероним Босх и его последователи в своей живописи, которую я уважаю.

Без комментариев.

Я только лишь могу поздравить себя (как в детстве — ущипнуть себя за ухо)... что судьба, чуть ли не навеселе, «от пуза», как за здорово живёшь, мне подарила (не надо быть Эйнштейном или Барухом или Исааком, чтобы понять, что жизнь — подарок и не свыше, а тут рядом, как калач под ёлкой, счастливый трамвайный билет, как пуля — дура...) радость и сильное трогательное беспокойство в дружеских, окрылённых крепким словом — встречах и застольях с Вами, дорогой Князь Никита Дмитриевич:

— профессором химии (Ломоносов гордился, когда его так величали);
— искусствоведом; балетоманом; мемуаристом; философом;
— лингвистом, специалистом по словарю блатных, русских дворников прошлых времен и современных бомжей;

— русистом; музееведом; политологом; крепкословом; афоризмистом; финансистом; публицистом;
— пловцом на открытой воде;
— стройным в мыслях, пиджаках, штиблетах и бабочках.

И, наконец, главное:

— смелым; крепко сложенным;
— верным мужем госпожи Джун

а также:

— умелым; внимательным; насмешливым; серьёзным;
— ироничным собеседником (в скобках): даже приятелем, типа меня — смерда с набережной реки Мойки — угол Невского и мне подобным...

от

горничной; работяги на приисках; кассира в банке; кельнера; парикмахера; спортсмена;
фотографа; зеваки; журналиста — телевизионщика; актёра — статиста; подённого газетчика
до

президентов; банкиров; министров; первосвященников

царедворцев, мэров, дипломатов, парламентариев и париев всякого рода, племени и пошиба

НА СВОЙ ВЫБОР И НА СВОЙ КОШТ

За сим: искренно Ваш Евгений Борисович Белодубровский

Июль–октябрь 2016.
Петербург — Лондон — Ленинград

